

## 1. Мандельштам, исключение из Союза писателей, “Поэма без героя” и смерть.

### ВВОД

Я гибель накликала милым,

И гибли один за другим.

О, горе мне! Эти могилы

Предсказаны словом моим...

В те годы мало людей оставалось вокруг меня, мало друзей, многие умерли, многие уехали, многих ждал арест. Я не питала иллюзий никогда, если меня спрашивали, за что арестовали того или иного человека, смело отвечала “У нас арестовывают ни за что”. И “подарков” от власти мне нечего было ждать, и надежд на коммунизм я не возлагала.

В тот день я была дома у Мандельштамов.

Я над ними склонюсь как над чашей,

В них заветных заметок не счесть —

Окровавленной юности нашей

Это черная нежная весть.

Тем же воздухом, так же над бездной

Я дышала когда-то в ночи,

В той ночи и пустой и железной,

Где напрасно зови и кричи.

О, как пряно дыханье гвоздики,

Мне когда-то приснившейся там, —

Это кружатся Эвридики,

Бык Европу везет по волнам.

Это наши проносятся тени

Над Невой, над Невой, над Невой,

Это плещет Нева о ступени,

Это пропуск в бессмертие твой.

Это ключики от квартиры,

О которой теперь ни гугу...

Этот голос таинственной лиры,

На загробном гостящей лугу.

### СОБЫТИЕ МИР

**Дети:** Гости дома Нади и Осипа Мандельштамов (это организатор и поэт сам со своими детьми) + нужны люди из НКВД, двое(?)

**АА:** Надя, Осип, у меня нехорошее предчувствие, да и мысли дурные, случится что-то.

**Осип:** Сейчас только дурные мысли и бывают. Аня, хотел отдать тебе свое стихотворение, которое писал, помнишь? Вот, возьми!

*Сохрани мою речь навсегда за привкус несчастья и дыма,*

*За смолу кругового терпенья, за совестный деготь труда.*

*Как вода в новгородских колодцах должна быть черна и сладима,*

*Чтобы в ней к Рождеству отразилась семью плавниками звезда.*

*И за это, отец мой, мой друг и помощник мой грубый,*

*Я — непризнанный брат, отщепенец в народной семье, —*

*Обещаю построить такие дремучие срубы,*

*Чтобы в них татарва опускала князей на бадье.*

*Лишь бы только любили меня эти мерзлые плахи —*

*Как нацелясь на смерть городки зашибают в саду, —*

*Я за это всю жизнь прохожу хоть в железной рубахе*

И для казни петровской в лесах топорщице найду.

Надя: Осип, с чего ты?

АА: Послушай, если тоже думаешь, что что-то будет, давай хоть что-то увезем? Препрячем? Может ко мне, может куда еще, хотя бы здесь найдем место.

Дети уговаривают Мандельштама спрятать часть рукописей у них дома, увезти к Ахматовой. Собирают книги, рукописи, бумаги. Временами Осип поднимает лист и читает стихотворения:

Мы живем, под собою не чуя страны,  
Наши речи за десять шагов не слышны,  
А где хватит на полразговорца,  
Там припомнят кремлёвского горца.  
Его толстые пальцы, как черви, жирны,  
А слова, как пудовые гири, верны,  
Тараканьи смеются усища,  
И сияют его голенища.

АА: Об остальном молчу, но эта вещь у тебя “вырублена”, монументально-лубочная. А уж что заложено - не тайна.

Осип: Конечно, это проще всего. Я хочу, чтоб ее пели на улицах!

А стены проклятые тонки,  
И некуда больше бежать —  
А я как дурак на гребенке  
Обязан кому-то играть...  
И вместо ключа Ипокрены  
Домашнего страха струя  
Ворвется в халтурные стены  
Московского злого жилья.

Надя: Ох, теперь и я, Анна Андреевна, неспокойна.

К концу сборов, дверь резко открывают, Мандельштама арестовывают, чекисты роются в бумагах, откладывают арестованные рукописи.

Дети с Ниной и Ахматовой собирают вещи.

Ч: Зачем вы так много вещей даёте с собой, долго не задержим — посидит у нас и отпустим.

Надя: Мы этому не верим уже.

Осип прощается со всеми.

Надя в слезах говорит: “Мы живем, под собою не чуя страны”. Так продолжается и по нынешний день. Мы совершенно не знаем друг друга, разобщены, больны, усталы... Среди нас есть поборники старого — убийцы, искатели мелких удовольствий, сторонники “сильной власти”, которая уничтожает все, что ей мешает. И еще есть огромные, мрачные толпы сонных и неизвестно о чем думающих людей. Что они помнят, что они знают, на что их можно толкнуть? Успеют ли они очнуться или, погрузившись в полную спячку, позволят уничтожить все живые ростки, которые пробились за последние несколько лет?.. Капли, щепки, солдаты или единицы — мы были действительно “разбрызганы и разъяты” и мучительно переживали свою отъединенность, оторванность от себе подобных. Мы вступали только в механические соединения: жильцы коммунальной квартиры, “последний” или “крайний” в очереди, член профсоюза, который существовал для дополнительного надзора и воспитания, единица в штатном расписании...

Успокаиваем Надю. Ахматова уходит, обещая, что они вместе поедут к нему.

Мы приходим к дому Ахматовой и видим письмо

14 августа 1946 года

Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград»

Секретарь ЦК ВКП(б) Жданов.

Ахматова является типичной представительницей чуждой нашему народу пустой безыдейной поэзии. Её стихотворения, пропитанные духом пессимизма и упадочничества, выражающие вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства, «искусство для искусства», не желающей идти в ногу со своим народом, наносят вред делу воспитания нашей молодёжи и не могут быть терпимы в советской литературе  
<...> Не то монахиня, не то блудница, а вернее блудница и монахиня, у которой блуд смешан с молитвой. <...> Такова Ахматова с её маленькой, узкой личной жизнью, ничтожными переживаниями и религиозно-мистической эротикой. Ахматовская поэзия совершенно далека от народа. Это – поэзия десяти тысяч верхних старой дворянской России, обречённых <...>

Издать приказ о приостановке производства и распространения: «Стихотворения 1909–1945 гг.» и «Избранные стихи, 1910–1946 гг.»

4 сентября 1946 года исключить А.А. Ахматову и М.М. Зощенко из союза писателей.

Говорим с Ахматовой о том, что теперь делать. Она в переживаниях о Зощенко, так как он верил в светлое. Говорит, что фактически их обрекают на нищету, но это и не так важно. “Значит, я была честным человеком”. Приходим к выводу, что будет заниматься переводами, но точно допишет свою “Поэму без героя”, произведение обо всем, что пережила и видела. Читает нам отрывок:

Сколько гибелей шло к поэту,  
Глупый мальчик: он выбрал эту, –  
Первых он не стерпел обид,  
Он не знал, на каком пороге  
Он стоит и какой дороги  
Перед ним откроется вид...  
Это я – твоя старая совесть  
Разыскала сожженную повесть  
И на край подоконника  
В доме покойника  
Положила –  
и на цыпочках ушла...

### **ФИНАЛЬНЫЙ ВЫВОД**

Я всем прощение дарую  
И в Воскресение Христа  
Меня предавших в лоб целую,  
А не предавшего – в уста.  
Меня и Зощенко лишили всего, даже хлебных карточек. Спасибо Нине, жене Ардова, что подселила к ним жить. В то время общаться со мной перестали. Было опасно. Некоторые знакомые, стремясь избежать встреч с мной, опальной поэтессой, при моем появлении на улице переходили на противоположную сторону.  
И уже подо мною прямо  
Леденела и стыла Кама,  
И «Quo vadis?» кто-то сказал,  
Но не дал шевельнуть устами,  
Как тоннелями и мостами  
Загремел сумасшедший Урал.  
И открылась мне та дорога,  
По которой ушло так много,  
По которой сына везли,  
И был долог путь погребальный  
Средь торжественной и хрустальной

Тишины Сибирской Земли.  
От того, что сделалась прахом,

.....

Обуянная смертным страхом  
И отлучения зная срок,  
Опустивши глаза сухие  
И ломая руки, Россия

Предо мною шла на восток

Зато вокруг моей литературной фигуры собирались новые таланты, двери моего дома были открыты для них. Например, говорят о моей близкой дружбе с И. Бродским, который с теплом и благодарностью вспоминает меня.

Тяжелая и скорбная жизнь обрушилась на меня. Всю жизнь прожив “вдовой Гумилева”, проводив в тюрьму сына, навсегда испортив с ним отношения, я стала не нужна своей стране, верной которой оставалась для себя долгие годы. Нас поглощала нищета и горе. Лишь в середине 50-ых годов меня снова начали печатать. В 62-ом увидела свет “Поэма без героя”, и я впервые оказалась снова за границей с момента нашего путешествия с Колей в Париж и Италию. Мне вручали диплом почётного доктора Оксфордского университета. Дважды номинировали на нобелевскую премию.

Уже тогда я знала о своем диагнозе, мне ставили стенокардию. В это же время я написала последний свой сборник “Бег времени”.

Забудут?— вот чем удивили!

Меня забывали сто раз,  
Сто раз я лежала в могиле,  
Где, может быть, я и сейчас.

А Муза и глохла и слепла,  
В земле истлевала зерном,  
Чтоб после, как Феникс из пепла,  
В эфире восстать голубом.

Затем настигали один за другим инфаркты.

5 марта 1966 года в санатории от сердечной недостаточности в возрасте 76 лет умирает великая поэтесса Анна Ахматова.

И странный спутник был мне послан адом,  
Гость из невероятной пустоты.

Казалось, под его недвижным взглядом  
Замолкли птицы — умерли цветы.

В нем смерть цвела какой-то жизнью черной.  
Безумие и мудрость были в нем...